

Десять дней спустя воды из Сюань Чжао были, наконец, отведены, и вспышка болезни оказалась погашена. Хуа Чжу Юй, Цзи Фэн Ли и его свита готовились вернуться в столицу.

Когда они отправлялись в это путешествие, Хуа Чжу Юй ехала в той же карете, что и канцлер Цзи. На этот раз ей разрешили ехать верхом в группе охранников. Такая перемена в обращении девушку вполне устраивала. Теперь Цзи Фэн Ли вел себя с ней так, словно она одна из его слуг, а не личный питомец, бесправное домашнее животное, и разница была разительна.

Дождь, продолжавшийся несколько дней подряд еще совсем недавно, теперь полностью ушел, забрав с собой тучи и сырость, и оставив кристально чистое небо. Несмотря на то, что на дворе царило позднее лето, днем солнце жарило просто безжалостно. Верховая поездка была равносильна медленной прожарке на костре.

К счастью, Цзи Фэн Ли оказался внимательным к своим людям. В самые жаркие часы он давал им отдохнуть, и предпочитал больше двигаться вечером и ночью, когда температура падала, и поездка переставала приносить сильный дискомфорт. Путешествуя таким образом, они смогли добраться до столицы только полмесяца спустя.

После опыта пребывания на самой грани жизни и смерти, наводнения и эпидемии, стражники, в частности те, кто сам пострадал от болезни, чувствовали себя так, словно им предоставили еще один шанс на жизнь. Все они находились в приподнятом настроении, а видение улиц родного города и вовсе заставило их оживиться. Несколько охранников даже попытались втихую протолкнуть идею посетить публичный дом, чтобы развлечься и перевести дух.

Хуа Чжу Юй ощутила отвращение к подобным предложениям. Все же мужчины слишком часто думают нижней половиной своего тела. Возвратившиеся в Лян Чжоу после победы генералы ее отца тоже часто тут же направлялись в бордели, чтобы отпраздновать. Иногда они даже заставляли ее составлять им компанию. Опасаясь, что они усомнятся в ее мужественности, она время от времени соглашалась.

Хуа Чжу Юй можно было бы считать частым гостем в «Изумрудном борделе» Лян Чжоу. Хотя там она в основном интересовалась теми дамами, которые лучше всего играли на музыкальных инструментах и могли ненавязчиво обслуживать за столом. Кстати именно там впервые пересеклись их тропинки с Дань Хун.

В тот день Дань Хун как раз избивали по приказу хозяйки борделя. Синяки были у девушки по всему телу, не считая лица. Наказание это было заслужено тем, что Дань Хун отказывалась принимать клиентов. Хуа Чжу Юй искала как раз такого типа девушку, поэтому с тех пор она отдавала любые деньги, чтобы заказать именно ее. Всякий раз, когда она посещала бордель, Чжу Юй вызывала к себе только Дань Хун и просила девушку играть ей на цинь. Спустя некоторое время и сама Дань Хун преисполнилась симпатии к своему «спасителю», набравшись решимости следовать за ним везде. Хуа Чжу Юй же, пожалев еще совсем молоденькую и неиспорченную девочку, вынужденную продавать себя в борделе, выкупила ее и подарила свободу. Она даже представить себе не могла, что Дань Хун последует за ней и на поле битвы, и в мрачные глубины Дворца.

Теперь, когда Хуанфу У Шан стал Императором, ранее избранная дама сю ню должна была уже стать или его невестой, или наложницей. Хуа Чжу Юй было искренне интересно, как обстоят дела у Дань Хун. Когда всем заправлял Хуанфу У Шуан, она еще могла бы помочь подруге

сохранить свою невинность, оставаясь при этом рядом с принцем, но теперь это было невозможно.

Чжу Юй ощутила грусть и растерянность. Уловив ее настроение, охранники притихли.

Там, в Сюань Чжао, Хуа Чжу Юй спасла своим лекарством множество жизней, часть из которых принадлежала и людям канцлера. Теперь стражники воспринимали ее в ином свете, никто больше не позволял себе пренебрежения или злости в ее отношении. Вспомнив, что она являлась евнухом, они подумали, что их предложение ее расстроило, и больше об этом не заговаривали.

Вернувшись в резиденцию канцлера, Хуа Чжу Юй по-прежнему занимала Синь Юань, Двор Ароматов. А вот Лань Бин, как оказалось, переехал в другое место. Просторный Синь Юань остался в полном распоряжении девушки, никто больше не следил за ней по ночам, никто не провожал взглядом из боковой комнаты, а надоевшие Цзи Шуй и Цзи Юэ перестали появляться и днем. По сравнению с предыдущим положением дел, теперь Чжу Юй стала пользоваться гораздо большей свободой.

Однажды вечером Хуа Чжу Юй настолько заскучала, проведя в своей комнате взаперти весь день, что почти бессознательно забрела во внутренний сад резиденции.

Вечернее солнце, еще не успевшее коснуться горизонта, светило ярко, заливая своими лучами живописные окрестности. Свет золотом опускался на покрытое рябью озеро, слабо мерцавшее в обрамлении густой листвы.

Над водой располагались несколько павильонов, соединенных с берегами и между собой тонкими арками мостов и переходов. Если смотреть на них в целом, издалека (или сверху) они наверняка напомнили бы цветок лотоса.

Чжу Юй даже не ожидала, что сможет обнаружить в этом месте настолько красивый пейзаж. Она прогуливалась вдоль берега озера, не замечая вокруг ни одной живой души, и вдруг ее слуха коснулся слабый звук флейты, доносившийся явно со стороны озера.

Девушка замерла и прислушалась. Мелодия показалась ей знакомой. Некоторое время она поняла, почему – это была пьеса, которую Цзи Фэн Ли исполнял во время банкета в резиденции Кан Вана. Кажется, она называлась «Жо Шуй», «Молодая река».

По словам Вэнь Вань, Цзи Фэн Ли написал ее сам. Той ночью на банкете Чжу Юй не особенно прислушивалась, просто отметила для себя, что мелодия показалась ей приятной. Но слушая ее сегодня, особенно здесь, в окружении прекрасных растений и мерцающего озера, девушка вдруг почувствовала, что в музыке кроется нечто больше... Чувство гордого одиночества.

Являясь автором множества композиций, Хуа Чжу Юй не смогла не оценить эту по достоинству. Она молча уселась на большой камень, лежавший неподалеку, и внимательно прислушалась. Впрочем, эффект от прослушивания оказался неожиданным. У нее и самой зачесались пальцы. Если бы эту музыку играл кто-то другой, она бы присоединилась и аккомпанировала. Но воспоминание о том, что музыкантом был никто иной, как Цзи Фэн Ли, начисто отбивало всякую охоту.

Ее взгляд рассеянно скользнул по павильонам, почти случайно выцепив фигуру Цзи Фэн Ли. Канцлер стоял на одном из мостиков, возле самих перил, удерживая в руках свою нефритовую флейту и обратив лицо к воде. Рядом стоял Лань Бин. Выглядел он скучающим и печальным, а взгляд его блуждал где-то в пространстве.

Опасаясь, что Лань Бин ее заметит, Чжу Юй быстро встала и направилась к пышным цветочным клумбам, намереваясь сбежать отсюда как можно быстрее. Но уже пару шагов спустя услышала знакомый голос:

- Юань Бао, иди-ка сюда, иди. Куда ты убегаешь?

Хуа Чжу Юй нахмурилась. Ее раздраженный взгляд приобрел заметной резкости и остроты. Но иного выбора не было, оставалось лишь развернуться и медленно пойти к этим двум голубкам.

- Господин Лань, вы хотели что-то сказать Юань Бао? – с улыбкой поинтересовалась девушка.

- Естественно, - вскинув брови, ответил тот. – Есть множество вопросов, которые нам нужно обсудить. Ты же только что прослушал игру лорда-канцлера, а значит должен сыграть что-нибудь в ответ. Я слышал, что твои навыки в игре на цинь – это нечто. Что твои мелодии буквально оживают. Так как насчет того, чтобы сыграть для лорда-канцлера и моей скромной особы, чтобы расширить наши познания?

Эта просьба несколько удивила Хуа Чжу Юй, но она смогла справиться с собой. Улыбнулась:

- Господин Лань, навыки владения флейтой лорда канцлера не имеют себе равных. Как я могу осмелиться продемонстрировать свой скудный талант перед таким экспертом, как лорд-канцлер.

Заходящее солнце осветило далекий силуэт Цзи Фэн Ли, все еще стоявшего у перил, и не обращавшего внимания на возникшую беседу.

Лань Бин вскинул брови и раздраженно вздохнул.

- Юань Бао, правду говоря, я никогда не слышал, чтобы кто-то еще смог сыграть «Жо Шуй» лучше, чем лорд-канцлер. Поэтому, даже если твои навыки действительно не так уж хороши, никто с тебя не будет требовать идеального исполнения.

- Пьеса лорда-канцлера – бессмертное творение и идеальный шедевр. Я признаю, что мои навыки слишком скудны для ее исполнения, и не хочу терять лицо. Если у вас больше ко мне ничего нет, я пойду, - резковато отозвалась девушка.

Покачив головой, Лань Бин скользнул пальцами по струнам цинь, извлекая из инструмента ясный красивый тон.

Хуа Чжу Юй вдруг обернулась и уставилась на цинь в руках помощника канцлера. Этот инструмент был изготовлен из белого нефрита, такого девственного и чистого, что он напоминал первый снег, светящийся и гладкий. Застигнутая врасплох, девушка не смогла заставить себя отвернуться.

- Цин Лянь, «Чистая вода»?

Вздрогнув, Лань Бин быстро переспросил:

- Ты знаешь о Цин Лянь?

Чжу Юй мысленно обругала свой несдержанный язык, но все же смогла легко улыбнуться:

- Не то, чтобы знаю, скорее слышал о нем. Этот цинь подходит под описание Цин Лянь. Это он?

Цин Лянь и вправду был одним из довольно известных, даже знаменитых инструментов, и славился своим ясным, канорическим резонансом.

- Ты прав, что действительно Цин Лянь, - смеясь, ответил Лань Бин. – Я даже не ожидал, что Юань Бао сможет признать этот инструмент. Теперь тебе, наверное, хочется его опробовать в действии? Не всем выпадает в жизни шанс прикоснуться к струнам Цин Лянь, знаешь ли...

Хуа Чжу Юй начала колебаться. Ей выдался воистину редкий случай наткнуться на такой знаменитый инструмент, даже от одного его вида в душе начал зажигаться яркий огонек. Но она действительно не хотела играть в присутствии Цзи Фэн Ли. Уже собравшись отказаться, она вдруг услышала слабый, спокойный голос канцлера:

- Лань Бин, ты что, считаешь, что на Цин Лянь может играть любой, кому это в голову взбредет? Если кому-то и вправду захочется испытать свои силы, пусть сначала докажет, что его игра достойна этого знаменитого инструмента.

Хотя его тон был приятным и нежным, презрение, пронизывавшее слова, невозможно было игнорировать.

Девушка повернулась, чтобы взглянуть на Цзи Фэн Ли. Затем решительно двинулась вперед и заняла место у Цин Ляня. Стоявший за ее спиной канцлер, поняв, что она не него не смотрит, склонил голову набок, и его губы исказило слабое подобие улыбки.